

Островский Александр Николаевич

**На всякого мудреца довольно
простоты**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич О.**
На всякого мудреца довольно простоты / Островский Александр Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 144 с.

ISBN 978-5-521-26756-9

ISBN 978-5-521-26756-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

На всякаго мудреца довольно простоты.

Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ.

1
2

3

Лица:

Егоръ Дмитричъ Глумовъ, молодой человѣкъ.

Глафира Климовна Глумова, его мать.

Ниль Федосѣичъ Мамаевъ, богатый баринъ, дальній родственникъ Глумова.

Клеопатра Львовна Мамаева, его жена.

Крутицкій, старикъ, очень важный господинъ.

Иванъ Ивановичъ Городулинъ, молодой важный господинъ.

Софья Игнатьевна Турусина, богатая вдова, барыня, родомъ изъ купчихъ.

Машенька, ея племянница.

Егоръ Васильичъ Курчаевъ, гусаръ.

Голутвинъ, человѣкъ, не имѣющій занятій.

Манеѳа, женщина, занимающаяся гаданьемъ и предсказываньемъ.

Приживалка 1-я.

Приживалка 2-я.

Человѣкъ Мамаева.

Человѣкъ Крутицкаго.

Григорій, человѣкъ Турусиной.

Дѣйствіе первое.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный столъ, зеркало; одна дверь во внутреннія комнаты; на правой сторонѣ другая — входная.

Явленіе первое.

Глумовъ и Глафира Климовна (за сценой).

Глумовъ (за сценой).

Вотъ еще! Очень нужно! Идти на проломъ, да и кончено дѣло. (Выходя изъ боковой двери.) Дѣлайте, что вамъ говорятъ, и не разсуждайте!

Глумова (выходя изъ боковой двери).

Зачѣмъ ты заставляешь меня писать эти письма? Право, мнѣ тяжело.

Глумовъ.

Пишите, пишите!

Глумова.

Да что толку? Вѣдь за тебя не отдадутъ. У Турусиной тысячь двѣсти приданого, родство, знакомство, она княжеская невѣста или генеральская. И за Курчаева не отдадутъ; за что я взвожу на него, на бѣднаго, разныя клеветы и небывальщины?

Глумовъ.

Кого вамъ больше жаль, меня или гусара Кур-

чаева? На что ему деньги? Онъ все равно ихъ въ карты проиграетъ. А еще хнычете: я тебя носила подъ сердцемъ.

Глумова.

Да если-бы польза была!

Глумовъ.

Ужъ это мое дѣло.

Глумова.

Имѣешь-ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумовъ.

Имѣю. Маменька, вы знаете меня; я уменъ, золъ и завистливъ; весь въ васъ. Что я дѣлалъ до-сихъ поръ? Я только злился и писалъ эпиграммы на всю Москву, а самъ баклуши билъ. Нѣтъ, довольно. Надъ глупыми людьми не надо смѣяться, надо умѣть пользоваться ихъ слабостями. Конечно, здѣсь карьеры не составишь, карьеру составляютъ и дѣло дѣлаютъ въ Петербургѣ, а здѣсь только говорятъ. Но и здѣсь можно добиться теплаго мѣста и богатой невѣсты, — съ меня и довольно. Чѣмъ въ люди выходятъ? Не все дѣлами, чаще разговоромъ. Мы въ Москвѣ любимъ поговорить. И чтобъ въ этой обширной говорильнѣ я не имѣлъ успѣха! Не можетъ быть. Я съумѣю поддѣлаться и къ тузамъ, и найду себѣ покровительство, вотъ вы увидите. Глупо ихъ раздражать, имъ надо льстить грубо, безпардонно. Вотъ и весь секретъ успѣха. Я начну съ неважныхъ лицъ, съ кружка Турусиной, выжму изъ него все, что нужно, а потомъ заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще съ вами потолкуемъ.

Глумова.

Помоги тебѣ Богъ! (Уходить.)

Глумовъ (садится къ столу).

Эпиграммы въ сторону! Этотъ родъ поэзіи, кромѣ вреда, ничего не приноситъ автору. Примемся за панегирики. (Вынимаетъ изъ кармана тетрадь.) Всю желчь, которая будетъ накупать въ душѣ, я буду сбывать въ этотъ дневникъ, а на устахъ останется только медъ. Одинъ, въ ночной тиши, я буду вести лѣтопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначена для публики, я одинъ буду и авторомъ, и читателемъ. Развѣ, со временемъ, когда укрѣплюсь на прочномъ фундаментѣ, сдѣлаю изъ нея извлеченіе. (Входятъ: Курчаевъ и Голутвинъ; Глумовъ встаетъ и прячетъ тетрадь въ карманъ.)

Явленіе второе.

Глумовъ, Курчаевъ, Голутвинъ.

Курчаевъ.

Bonjour!

Глумовъ.

Очень радъ; чему обязанъ?

Курчаевъ.

(Садясь къ столу на мѣсто Глумова.)

Мы за дѣломъ. (Указывая на Голутвина.) Вотъ, рекомендую.

Глумовъ.

Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Голутвинъ.

Тонъ мнѣ вашъ что-то не нравится. Да-съ.

Глумовъ.

Это какъ вамъ угодно. Вы вѣрно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаевъ.

Малымъ дѣломъ. (Беретъ карандашъ и бумагу и чертитъ что-то.)

Глумовъ.

То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободнаго не много. Въ чемъ дѣло? (Садится, Голутвинъ тоже.)

Курчаевъ.

Нѣтъ-ли у васъ стиховъ?

Глумовъ.

Какихъ стиховъ? Вы вѣрно не туда зашли.

Голутвинъ.

Нѣтъ, туда.

Глумовъ (Курчаеву).

Не марайте, пожалуйста, бумагу!

Курчаевъ.

Намъ эпиграммъ нужно. Я знаю, что у васъ есть.

Глумовъ.

Никакихъ нѣтъ.

Курчаевъ.

Ну, полно вамъ! Всѣ знаютъ. У васъ на весь городъ написаны. Вонъ онъ хочетъ сотрудникомъ быть въ юмористическихъ газетахъ.

Глумовъ (Голутвину).

Вотъ какъ! Вы писали прежде?

Голутвинъ.

Писалъ.

Глумовъ.

Что?

Голутвинъ.

Все: романы, повѣсти, драмы, комедіи...

Глумовъ.

Ну, и что-же?

Голутвинъ.

Ну, и не печатають нигдѣ, ни за что; сколько ни просиль, и даромъ не хотятъ. Хочу за скандальчики приняться.

Глумовъ.

Опять не напечатають.

Голутвинъ.

Попытаюсь.

Глумовъ.

Да вѣдь опасно.

Голутвинъ.

Опасно? А что, прибьютъ?

Глумовъ.

Пожалуй.

Голутвинъ.

Да, говорятъ, что въ другихъ мѣстахъ бьютъ; а у насъ что-то не слышать.

Глумовъ.

Такъ пишите!

Голутвинъ.

Съ кого мнѣ писать-то? Я никого не знаю.

Курчаевъ.

У васъ, говорятъ, дневникъ какой-то есть, гдѣ вы всѣхъ по косточкѣ разобрали.

Голутвинъ.

Ну, вотъ и давайте, давайте его сюда!

Глумовъ.

Ну, да, какъ-же не дать!

Голутвинъ.

А ужъ мы-бы ихъ распечтали.

Глумовъ.

И дневника никакого у меня нѣтъ.

Курчаевъ.

Разговаривайте! Видѣли его у васъ.

Голутвинъ.

Ишь, какъ прикидывается; а тоже вѣдь нашъ братъ, Исакій.

Глумовъ.

Не братъ я вамъ и не Исакій.

Голутвинъ.

А какія-бы мы деньги за него взяли ...

Курчаевъ.

Да, въ самомъ-дѣлѣ, ему деньги нужны. „Будетъ“, говоритъ, „на чужой счетъ пить; трудиться хочу“. Это онъ называетъ: трудиться. Скажите, пожалуйста!

Глумовъ.

Слышу, слышу.

Голутвинъ.

Матеріаловъ нѣтъ.

Курчаевъ.

Вонъ, видите, у него матеріаловъ нѣтъ. Дайте ему матеріаль, пусть его трудится.

Глумовъ (вставая).

Да не марайте-же бумагу!

Курчаевъ.

Ну, вотъ еще, что за важность?

Глумовъ.

Какихъ-то пѣтуховъ тутъ рисуете.

Курчаевъ.

Ошибаетесь. Это не пѣтухъ, а мой уважаемый дядюшка, Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ. Вотъ (дорисовываетъ) и похоже, и хохоль похожъ.

Голутвинъ.

А интересная онъ личность? Для меня, напри-
мѣръ?

Курчаевъ.

Очень интересная. Во-первыхъ, онъ считаетъ себя всѣхъ умнѣе и всѣхъ учить. Его хлѣбомъ не корми, только приди совѣта попроси.

Голутвинъ.

Ну, вотъ, подпишите подъ пѣтухомъ-то: новѣй-
шій самоучитель! (Курчаевъ подписываетъ.) Да и пошлемъ
напечатать.

Курчаевъ

Нѣтъ, не надо, все-таки дядя. (Отталкиваетъ бумагу
Глумовъ беретъ и прячетъ въ карманъ.)

Голутвинъ.

А еще какія художества за нимъ водятся?

Курчаевъ.

Много. Третій годъ квартиру ищетъ. Ему и не
нужна квартира, онъ просто ѣздитъ разговаривать,
все какъ-будто дѣло дѣлаетъ. Выѣдетъ съ утра,
квартиръ десять осмотритъ, погово́ритъ съ хозяе-
вами, съ дворниками; потомъ поѣдетъ по лавкамъ
пробовать икру, балыкъ; тамъ разсядется, въ раз-

Островскій. На всяк. мудр. дов. прост.

сужденія пустится. Купцы не знаютъ, какъ выжить его изъ лавки, а онъ доволенъ, все-таки утро у него не пропало даромъ. (Глумову). Да, вотъ еще, я и забылъ сказать. Тетка въ васъ влюблена, какъ кошка.

Глумовъ.

Какимъ-же это образомъ?

Курчаевъ.

Въ театрѣ видѣла, всѣ глаза проглядѣла, шею было свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этимъ не шутите!

Глумовъ.

Я не шучу, вы всѣмъ шутите.

Курчаевъ.

Ну, какъ хотите. Я бы на вашемъ мѣстѣ ... Такъ вы стиховъ дадите?

Глумовъ.

Нѣтъ.

Голутвинъ.

Чтò съ нимъ разговаривать? Поѣдемъ обѣдать!

Курчаевъ.

Поѣдемъ! Прощайте! (Кланяются и уходятъ.)

Глумовъ (останавливая Курчаева).

Зачѣмъ вы съ собой его возите?

Курчаевъ

Умныхъ людей люблю.

Глумовъ.

Нашли умнаго человѣка.

Курчаевъ.

По насъ и эти хороши. Настоящіе-то умные